

Борисенко Сергей Николаевич

Книжный шкаф

Почти очерк

0+

Сергей Николаевич Борисенко

Книжный шкаф

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67594866

SelfPub; 2022

Аннотация

У каждого человека связано с разными вещами много воспоминаний. Некоторые вещи даже становятся семейными реликвиями. В данном случае подобной реликвией стал обыкновенный книжный шкаф.

Сергей Борисенко

Книжный шкаф

Шкаф был большой, очень большой, даже огромный. Таких, сейчас, точно, не делают, да и вряд ли когда-нибудь делали. Он был, выражаясь современным языком, «самопальный». Его построил мой дед.

Дед не был краснодеревщиком, но, по всей видимости, был хорошим плотником. У моих родителей в квартире были кухонный стол-тумба, буфет, этажерка и этот шкаф, вышедшие из-под умелых его рук.

Построил его дед по двум причинам.

Первая причина заключалась в банальном отсутствии мебели в магазинах.

После войны прошло совсем немного времени и страна, напрягая все свои силы, решала другие, более насущные вопросы: надо было восстановить промышленность, сельское хозяйство, чтобы страну вдоволь накормить и хотя бы во что-то одеть. А мебель?.. Ну, что мебель, «не графья», обойдутся, как-нибудь. Вот её в продаже и не было.

Вторая причина тоже банальная, хотя и не совсем.

Дед, так же как и мои родители, очень любил читать. Он всегда выписывал газеты, приобретал журналы, если в них попадалась публикация на интересную для него тему, покупал книги, так же из числа заинтересовавших его и таковых у

него было три полки в шкафу. Что вызывало большое неудовольствие бабули. Она была безграмотная, совсем не умела читать и для неё приобретение книги – пустая, никчемная трата денег.

А вот у моих родителей книги постоянно появлялись новые, они книгами дорожили и никогда их не выбрасывали. Напротив, они собирали свою домашнюю библиотеку.

На полку книга попадала лишь после того, как оба родителя её прочли. Поэтому, я и сейчас могу с большой долей уверенности сказать, что свои книги мои мама и папа прочли все до единой! Так вот, видя такую большую любовь к книгам моих родителей, дедушка построил этот книжный шкаф.

Это был не просто шкаф, это был шкафище, монстр! Эдакая громадина, из цельных досок, на боковых, и, даже на задней стенке. Передние двери были изготовлены легкими и застекленными почти во всю высоту.

Сделал его дед без особых витиеватых украшений. Но он был составным из двух частей: верхняя часть, как таковой шкаф для книг. Три отделения. Два одинаковых, каждое на пять полок в высоту, на каждой, книги стояли в два ряда и по 12-15 томов в ряд. Среднее отделение на четыре полки, но по длине каждая полка была раза в полтора длиннее боковых, а получившийся большой просвет между полками позволял там хранить книги увеличенного формата, скажем энциклопедию.

Вся эта махина устанавливалась на мощное строение, ти-

па комода. Этот комод возвышался над полом почти на метр, и имел три ряда по три выдвижных ящиков.

Это чудище он покрыл морилкой темно-красного цвета, а поверх прошелся бесцветным лаком.

Целиком всё сооружение мне, в детском мозгу, напоминало Мавзолей Ленина на Красной площади в Москве. Хотя, к тому времени я ещё в столице не бывал, но видел множество фотографий и даже парад из Москвы. Представлял, что Мавзолей у Кремлевской стены смотрится примерно так же, как наш шкаф вдоль стены комнаты: массивный, темно-красный, без каких-либо излишеств небоскреб с блестящими стенами, за которыми таится столько всего...

Вот открываю дверцу левого отсека.

Это место специальное. В том смысле, что здесь собраны были все авторы, которых мы изучали в школе на всем протяжении своей учебы. Причем у родителей это были не разрозненные книги, а полные собрания сочинений авторов.

Вот полка с книгами Л.Н.Толстого. Книги в хорошем колленкоровом переплете серо-стального цвета. В заглавии книги и на корешке одинаковыми печатными буквами красуется имя автора. Здесь всё! В четырех томах «Война и мир», два тома «Анна Каренина», «Воскресение», «Севастопольские рассказы»...

Когда-то в школе нам пытались донести до сознания всю глубину этих произведений великого автора.

Мы же читали роман – эпопею выборочно: парни – ба-

тальные сцены,

девочки любовные. Объединяло нас лишь то, что все безоговорочно должны были выучить наизусть описание дуба осеннего и дуба весеннего. Но ничего! Почерпнутых от преподавателя знаний всё же вполне хватало на написание сочинения по этому произведению.

И лишь в тридцатилетнем возрасте сумел по-настоящему осилить эту махину.

А вот Анна Каренина никогда не была любимой героиней. Нам объясняли, что она – жертва общественного мнения. Сама ни в чем не виновата. Единственный её небольшой грех состоит в том, что она полюбила другого мужчину, будучи замужней женщиной. А вот общество всё прогнившее, сами все имеют любовников и любовниц, но это не афишируют, хотя, с дугой стороны, все знают об этом. Ситуация была таковой, что все парни были возмущены, а девочки были на её стороне.

Прошло много лет, и вот на советских экранах появился художественный фильм под названием «Единственная». Историю эту описал В.М. Шукшин в повести «Дурь». Но повесть прочло мало народу, а фильм посмотрела вся страна. Проблема была поднята та же и реакция точно такая же, что и на роман Толстого. Мужчины все осуждали героиню, а женщины жалели и утверждали, что она хорошая, любит только своего мужа, а изменила ему из женского сердоболія. Помирить две части человечества сумел лишь другой фильм

– «Романс о влюбленных».

На другой полке ярко-желтый, как яичный желток, восьмитомник А.Н. Толстого. Вот два самых затертых тома – это прочитанные моими родителями и, возможно неоднократно, затем, следом, братом, сестрой и мной «Петр первый», а крайним в ряду стоит не менее затертый том, в котором напечатана фантастика: «Аэлита», «Гиперболоид инженера Гарина» и любимая многими поколениями советских детей сказка «Золотой ключик, или Приключения Буратино».

Отдельно выделялись два тома, из которого всегда торчали бумажные закладки. Это были самые важные места, которые необходимо было знать при изучении романа «Хождение по мукам». Это, конечно, не эпопея, поскольку он описывает значительно более короткий промежуток времени, чем «Война и мир», но серьезность его изучения требовалась не меньшая,

так как описывал самый тяжелый для страны период – Гражданскую войну.

На соседней полке в светло-сиреновом одеянии стоят тома самого любимого автора моей мамы, её земляка Михаила Александровича Шолохова: «Тихий Дон» в четырех томах, два тома «Поднятой целины», незавершенный роман «Они сражались за Родину», «Донские рассказы», повести, очерки, переписка...

Конечно, странно было, что Нобелевскую премию ему присвоили за роман «Тихий Дон», а мы изучали в школе

«Поднятую целину». Скорее всего, слишком сложно было в столь сублильном возрасте воспринять метущуюся душу главного героя, да ещё и описанную с точки зрения такого же метущегося человека.

Зато «Поднятую целину» так хорошо изучали, что до сих пор безошибочно помню кто такие Нагульников, Разметнов, дед – Шукарь.

А когда писали сочинение по этому произведению, то я в том же шкафу, но в другом его отделении обнаружил тетрадки с сочинениями моих старших брата и сестры. Сохранили их на память мои родители. Но я, когда их нашёл, то не стал использовать для облегчения собственной жизни, то есть списывания, а устроил своеобразное заочное соревнование. Сам писал, а потом сличал отметки, поученные за сочинения по изученным темам. Благо, программа была единая для всей страны и утверждена министерством.

Надо сознаться, что победу безоговорочную одержала моя сестра. У неё по всем сочинениям оценки за изложение материала и за грамотность были 5/5. У брата оценку по литературе я иногда выигрывал, но по знаниям русского языка я проигрывал, бесспорно, им обоим. Поскольку у брата ниже четверки никогда не было, а вот я отхватывал и тройки.

Отдельно, на своей собственной полке, стоит полное собрание сочинений А.С. Пушкина. Тома темно-синие с серебряным тиснением инициалов и фамилии знаменитого «наше всё».

Ниже, занимают не целиком полку, такое же издание полного собрания сочинений М.Ю. Лермонтова. Наподобие пушкинских томов имя автора тоже написано на корочке тиснением в виде его автографа. Книги темно-синие, а автограф на них золотой. Конечно, он был в программе обучения не менее важен, чем Александр Сергеевич. Но, честно, больше всего я пожалел о слишком раннем уходе поэта, когда прочел не то что незавершенный, а лишь только начатый роман «Штосс», или его еще называют «У графа «В» был музыкальный вечер».

Дополняют полку толстый двухтомник В.В. Маяковского. Его книги, почему-то почти всегда, и в ту пору тоже, окрашены были кумачом.

Столь же толстый и тоже двухтомник Александра Блока. Книги большие, очень толстые, красиво и богато оформлены. Просто удивительно, что в то время так прекрасно издали поэта «Серебряного века». Но толку-то? Из всего им написанного только и запомнилось по две строчки из двух произведений, изучаемых в школе: «Мильоны – вас, нас – тьмы, и тьмы, и тьмы. Попробуйте, сразитесь с нами! Да, Скифы мы! Да, азиаты – мы, – с раскосыми и жадными очами!» и из поэмы «12» «... в белом венчике из роз, впереди Иисус Христос».

На одной полке стояли Владимир Короленко, из всего разнообразия содержания помнятся лишь «В дурном обществе», «Дети подземелья» и «Слепой музыкант». Произведе-

ния, которые выжимали слезу из юных четверо – или пятиклассников.

Тут же Иван Гончаров и его знаменитые романы. Даже, если не вдаваться в содержание, они знамениты уже тем, что их всего три, и все они начинаются с буквы «О»: «Обрыв», «Обломов» и «Обыкновенная история». А если коснуться содержания, то можно сказать коротко: классик он на все времена классик! Так обрисовать современного инфантильного молодца, которому дороже всего на свете личный покой и уют, и больше ничего его не интересует. Или Александр Адуев, герой «Обыкновенной истории». Ну чем не современный подлец, в угоду большим деньгам презревший самыми дорогими для человека чувствами дружбы, любви, сострадания?

В этом же отделении шкафа у родителей хранились разрозненные тома Ч. Диккенса. Их было очень много, все они были буро-коричневые с надписью фамилии и имени автора эдакими узенькими, но очень высокими буквами. Тома были из полного собрания сочинений, его у родителей не было. По-видимому, они покупали в магазине невыкупленные кем-то по подписке тома. Поэтому для меня до сих пор великая загадка, сколько же книг он написал, если среди томов были книги с порядковыми номерами «22», «26», «28», а может быть больше! Сам же за свою жизнь из всего его разнообразия произведений прочел «Приключения Оливера Твиста» и «Посмертные записки Пиквикского клуба».

Шеститомник Макаренко выделялся своей белоснежной отделкой. Это ему сильно вредило, поскольку «Флаги на башнях» и «Педагогическую поэму» у нас прочел каждый домочадец, а так же очень многие мои друзья. Эти тома, естественно, потеряли свой снежный окрас и скорее говорили о грязных руках тех сорванцов, которые читали эти книги о своих сверстниках.

Важное место на самой верхней полке занимали книги из полного собрания сочинений М.Е.Салтыкова-Щедрина. Книги матово-шоколадного цвета с дорогим золотым тиснением автора на обложке и корешке. Из всего объема томов, которые количеством приближались к двум десяткам, были несколько поношены лишь два. В одном из них были напечатаны его сказки, в другом, роман «Господа Головлевы». Эти произведения изучались в школе, так что нам приходилось волей-неволей их читать. А вот отец Салтыкова-Щедрина не читал. Помню, как-то он сказал: «У меня на него времени не хватает. Вот выйду на пенсию, тогда всего прочту». Знаю точно, что он своё слово сдержал. Будучи пенсионером, прочел всего, как говорится, «от корки до корки».

В этом плане я опередил своего родителя и прочел писателя гораздо раньше. О нем, точно так же могу сказать: «Классик – он всегда классик!» В период нашей Перестройки я читал роман Михаила Евграфовича «Пампадуры и пампадурши». Прикрыв книгу свежей газетой я зачитал обширный абзац своей жене, спросив у неё: «Как ты думаешь? Что

я сейчас тебе зачитал?» Глянув на меня с недоумением, супруга отвечает: «Я что, не вижу в твоих руках газету?» И каково же было её изумление, после повторения мною прочитанного из книги?!

Много места занимало собрание сочинений А.П. Чехова. Чехов – автор очень плодовитый. Так что его тома в один ряд не помещались. Они захватывали частично второй ряд. А уже его дополняли два автора под одной фамилией, но совершенно с разными судьбами. Это русский драматург Александр Николаевич Островский, чьи пьесы «Бесприданница», «Не в свои сани не садись», а пуще других пьесу «Гроза» мы очень подробно изучали за школьной партой. Второй – советский романист Николай Алексеевич Островский. У него полное собрание сочинений составляло две книги: «Как закалялась сталь» и «Рождённые бурей».

Здесь же, около одного революционного автора стояли книги и другого, писавшего про детей и для детей, воспитывавшего их в духе революционных идей: «РВС», «Школа», «Голубая шашка», «Тимур и его команда». Это было двухтомное издание первого советского автора, писавшего серьезные книги для детей А.П.Гайдара. И кто бы мог подумать, что именно его внук, шестьдесят лет спустя, будет находиться в рядах тех, кто успешно разрушит детище его деда – так им горячо любимую страну советов.

Последней книгой, дополняющей этот ряд, было отдельное издание книги Александра Фадеева «Молодая гвардия».

Это далеко не весь перечень книг и авторов, которые располагались только в одном отделении книжного шкафа. Были там разрозненные книги, но входящие в школьную программу: Ф.М. Достоевский с его сборником «Белые ночи», «Записками из мертвого дома», и, в обязательном порядке, «Преступление и наказание». Был Чернышевский с романом «Что делать?», Добролюбов с романом «Кто виноват?», сборник басен «дедушки» Крылова, редкая книга «Стихотворения и оды» М.В. Ломоносова.

Думаю, что не все книги вспомнились, но полный курс отечественной литературы точно можно было изучить, лишь только открыв левую створку большого книжного шкафа моих родителей.

Симметрично этому отделению шкафа находилось ещё одно, точно такое же. Но содержание книг в нем можно было бы охарактеризовать уже ни как образовательные, а, скорее, как развлекательные.

Правда, трудно назвать «развлекательной» литературой произведения С. Н. Сергеева-Ценского. Тома его книг стояли такими привлекательными красавцами: ярко-желтые с черным квадратом, на котором серебряными буквами было написано его загадочное имя. Почему загадочное, да потому, что двойная фамилия через дефис повторяла его имя. Сергей Николаевич Сергеев – Ценский. Огромное произведение «Преображение России» в семи томах привлекло моё внимание. Я, на удачу, открыл одну из книг, а там ... такой

натурализм! Описывается пожар и в огне погибает девочка. Как она задыхается, как ей больно, она кричит, но помощи нет. В конце концов, она выбивается из сил, падает и огонь поглощает её бедное тело, разнося по округе тошнотворный запах горелой человеческой плоти. Да я после этого прочитанного описания ни то, что читать его не мог, но и кушать два дня. А в продолжение его собрания сочинений стояло ещё три книги «Севастопольская страда». Я сразу представил, что автор описывает Крымскую войну с таким же натурализмом и читать его не захотел.

Любителям фантастики в шкафу тоже отводилось место. Два черных толстых тома с большими красными заглавными буквами, а продолжение надписи шло стальным цветом: Герберт Уэллс. Открываешь, а там... чего только нет?! «Человек-невидимка», «Остров доктора Моро», «Машина времени», «Война миров». Вплотную к Уэллсу стоят книги короля фантастики девятнадцатого века Жюль Верна. Здесь тоже выбор хоть куда «Из пушки на Луну», «Дети капитана Гранта», «Путешествие к центру «Земли» «20 000 лье под водой». Не хочешь «устаревшую» фантастику, можешь почитать по новее, пожалуйста! А. Беляев «Звезда КЭЦ», «Голова профессора Доуэля», «Человек – амфибия». А. Казанцев и его «Планетой бурь». Или ещё новее, тоже найдутся. К примеру, в то время только набиравшие популярность Борис и Аркадий Стругацкие «Трудно быть богом», «Понедельник начинается в субботу», или В. Колупаев «Фирменный поезд

Фомич».

Дальше выстроились писатели-романтики.

Оскар Уальд. Его волшебный, красивый, ужасный «Портрет Дориана Грея», веселое «Кентервильское приведение», очень грустный «Звездный принц», и, вообще, навевающие тоску, сказки «Великан-эгоист», «Соловей и роза». Я с этими сказками познакомился, когда сам читать не умел, а сестра их мне читала, сама ревела и я рядом с ней.

Самые большие читатели-романтики тоже имели возможность себя порадовать. Тут тебе и Майн Рид «Всадник без головы», Р. Штильмарк «Наследник из Калькутты» с его тайной, спрятанной в тексте романа.

Ну, разве мои родители могли обойтись без Ги де Мопасана, Виктора Гюго или А. Дюма. Как же воспитывать честь и благородство, понимание мужской дружбы, в подрастающих парнях, если они не прочтут «Три мушкетера», «Двадцать лет спустя», «Виконт де Бражелон», «Королева Марго».

Этот ряд книжек был наиболее затертым и затрепанным, поскольку пользовался огромным спросом не только в семье, но и у всех соседских пацанов, проживающих поблизости.

А тут, как раз немецкая киностудия «ДЭФА», взялась снимать фильмы про индейцев по произведениям Фенимора Купера. Разве можно посмотреть такой захватывающий фильм про благородного индейца и неблагородных белых и не прочесть книгу? Очень быстро эти книги по своей изно-

шенности догнали предыдущий перечень.

Были в этом отсеке и книги, на которые мальчишеский глаз не падал, но родители читали с большим удовольствием. Скажем Павел Иванович Мельников – Печерский «В лесах», «На горах». С.А. Новиков – Прибой «Цусима» или К. Седых «Даурия», сюда же можно отнести «Дерсу Узала» Арсеньева, «Созвездие Стрельца» Дмитрия Ногишкина, или его же «Сердце Бонивура».

Но, что удивляло, так это наличие книг со стихами, которыми сами редко интересовались. Скажем песни Беранже. Помню, когда принес эту книгу домой отец, то он сказал, что стихи очень смешные. Не могу не согласиться с этим утверждением. Хотя там были и довольно мрачные «песни». Но в памяти осталось, как папа озвучивал содержание книги. Он читал написанное в каком – то ему одному ведомом ритме, похожем на плясовую. При этом притопывал, немного приседал, смешно откидывал ноги в разные стороны и на распев произносил: «...ей-ей умру, ей-ей умру, ей-ей умру от смеха». Мы просто заливались хохотом!

Очень шикарное было издание в двух томах произведений Генриха Ибсена. Не могу утверждать, все ли из написанного им, опиралось на скандинавские саги? Но содержание было настолько непонятным, а имена и названия настолько сложными, что в голове ничего удержать не получалось. Но вдруг в довольно зрелом возрасте я услышал то же самое, но исполненное под музыку Эдварда Грига и онемел от вол-

шебства воздействия:

Зима пройдет и весна промелькнет,

И весна промелькнет.

Увянут все цветы, снегом их занесет,

Снегом их занесет

И ты ко мне вернешься – мне сердце говорит,

Мне сердце говорит.

Тебе верна останусь, тобой лишь буду жить,

Тобой лишь буду жить...

Как жаль, что не умею петь, а так хочется под эту чарующую мелодию напеть хоть куплет!

И там же ещё «Марш гномов». Пусть там нет слов, но ведь всё из того же произведения. Музыка, которая звучит, буквально, из каждого утюга:

Па-па-Па-па Па – па, Па-па, Па – па, Па-па, Па-па

Па-Па-Па-па Па – па, Па-па, Па – па, Па-па, Па-па – па

А для меня всё это из одного отделения книжного шкафа.

Третье отделение книжного шкафа, как я уже говорил, для книг большого формата. Но это ещё не всё. Там стояли книги в основном общественно-политического содержания. Исключение составляли трехтомник малой советской энциклопедии, четырехтомник «Толкового словаря великорусского языка» В. Даля, огромных размеров поваренная книга и большой географический атлас. Всё остальное пространство занимали избранные произведения В.И. Ленина, отдельной книгой находилась работа «Империализм и эмпи-

риокритицизм». Тут же теснились философские и экономические работы И. В. Сталина. Отдельно большой том «Истории КПСС» под его редакцией. Почти на целую полку растянулись книги с работами Георгия Валентиновича Плеханова. На отдельной полке произведения К. Маркса и Ф. Энгельса. Здесь выделялся своей величественностью «Капитал», красиво оформленная тонкая книжка «Манифеста коммунистической партии», почти такая же книжка «Моральный кодекс строителя коммунизма». Отдельными изданиями материалы партийных съездов 19-го, 20, 21. Следом пошли работы уже Л. И. Брежнева. В этом безбрежии можно было найти брошюры с работами Н.С. Хрущева, Маленкова, Кагановича. Почему-то здесь же стояли мемуары Г.И. Жукова. Несколько учебных изданий по политэкономии, философии, научному коммунизму, а так же политические и экономические словари.

На естественный вопрос к отцу: «Зачем храните одинаковые книги за разные года»? Он ответил: «По ним так легко отследить, каким образом в нашей стране меняется идеология».

Нет сейчас этих книг. Не сохранились. Не проследить до конца крушение социалистической идеологии. А вот букинисты бы при их виде, пожалуй, утонули бы в собственной слюне.

Но самой интересной во всём старом шкафу была его нижняя часть, та, которую я назвал в самом начале «комо-

дом».

В этом комоде было девять объемных выдвижных ящиков.

В этих ящиках долгие годы лежали брошюры с материалами партийных пленумов, брошюры с пятилетними и одним семилетним планом, выступления партийных руководителей на встречах с трудящимися, первомайские и октябрьские выступления с трибуны Мавзолея. С ними вперемешку можно было найти медицинские рекомендации, описание лечебных трав, советы по домашним заготовкам на зиму, по вязанию, вышиванию, шитью и выбиванию тканей.

Читать их, конечно, уже никто не читал. А вот нам – детям, они заменяли интересные игрушки. Мы из них строили подобие карточных домиков, составляли целые города. Могли по напечатанным ценам, а это были от двух до десяти копеек, использовать их в качестве денег при игре в «магазин».

Здесь же, на самом дне хранились стихи моего отца.

Мелким, убористым, красивым почерком была полностью исписана общая тетрадь на девяносто шесть листов.

Как раз рядом с его тетрадкой я и нашел тетрадки со школьными сочинениями сестры и брата.

В других ящиках хранились разные журналы за много лет. Самый старый, за 1948 год был журнал «Крокодил». Я думаю, что мои родители его сохранили как самый первый, который они получали, совместно начав жить.

В прочих ящиках, всегда каждый в своем, лежали жур-

налы «Огонек», «Роман-газета», «Работница», «Крестьянка». Чуть позже стали сохранять журнал «Семья и школа». Когда дети стали подрастать, то пошли одни, сменяя других, «Мурзилка», «Костер», «Техника молодёжи», «Смена», «Юность», «Квант», «Наука и жизнь». Что-то из них сохраняли, а в основном, нет. Но то, что всегда было неприкосновенным, так это ящик, которого в детстве я страшно боялся. Он сверху до дна был заполнен журналами разных наименований, но с одной тематикой: «Похороны Сталина». Все ранее названные журналы от корки до корки заполнены разноформатными фотографиями вождя народов на своем последнем ложе. И черно-белые, и цветные, квадратные, круглые, ромбовидные (всё зависело от размещаемого текста). Все члены ЦК КПСС, Политбюро, члены Правительства, иностранные делегации, телеграммы соболезнования нашему народу со всех концов мира. Всё одно и то же во всех журналах. И обложка всех журналов одинаковая: портрет Иосифа Виссарионовича в черно-красной рамке.

Места они занимали много в шкафу, а вот выбросить их у родителей рука не поднималась. Кто-то сведущий поднимет журнал на улице, а там, что называется, обратный адрес – чьи журналы. Ведь раньше доставщики всю корреспонденцию подписывали, прежде чем выходить из почтового отделения.

Этот ящик – тоже место, где с радостью могли разгуляться нынешние букинисты.

С журналом «Огонек» был не один ящик. Он выходил из печати раз в неделю. Всё прочесть в нем, естественно, не успевали, откладывали «на потом». Но трудно было ко всему вернуться. Так и лежали эти, почти новенькие журналы годами, дожидаясь своего читателя. Кто-то из них дождался, а кто-то...

Надоел в конечном итоге маме этот громоздкий старый, несовременный книжный шкаф.

– Всё, – сказала она, покупаем новый.

Были уже семидесятые годы в своем начале. В магазинах появилась

возможность не просто купить мебель, а даже дождаться такой, какую ты хочешь.

Присматривать шкаф пошли мама и моя сестра.

Мама, наверное, была в некоторой эйфории от того, что наконец-то выбросит эту «старую рухлядь», а вот сестра подошла к этому вопросу очень рационально. Она померила ширину каждого отделения старого шкафа и знала, сколько длины полок нам необходимо, чтобы разместить все книги.

Когда мама выбрала шкаф по вкусу, тогда сестра её огорошила, что нам необходимо таких четыре штуки.

Пришлось покупку приостанавливать.

Вечером, дома, на семейном совете, договорились приобрести три шкафа, а содержимое ящиков перебрать и, по возможности, от него освободиться.

Так и сделали.

Назавтра шкафы купили и привезли. Вечером всей семьёй переставляли книги из старого шкафа в новые.

Работа, надо сознаться, для быстрого выполнения не предназначена.

Книги доставались из старого шкафа, пылесосились, протирались, сортировались, расставлялись в новых шкафах... И так три вечера подряд. К концу третьего вечера, несмотря на полное освобождение от «хлама» из комода, стало видно, что без четвертого шкафа, как ни крути, не обойтись.

Вновь мебельный магазин посетили мама и сестра. Но точно такого шкафа они не сумели найти. Пришлось приобрести иной конструкции и ставить в другой комнате. Благодаря этому сохранили что-то из старых журналов.

Через несколько лет родители вышли на пенсию и решили поменять место жительства на более мягкий тёплый климат.

Ехать далеко, нажитые вещи не бросишь. Они заказали себе два трехтонных контейнера, но при загрузке оказалось, что на всё места не хватает. Тогда они выбросили часть мебели и забрали с собой все свои книги.

Прожив десять лет в нашей южной республике, они столкнулись лицом к лицу с самоопределением наций. Их, стариков, вышвырнули внаше, как напакостивших щенков, приказав в двадцать четыре часа освободить квартиру и дачу, и уматывать в свою Россию. Сумев нанять за очень большие деньги водителя грузовика, они, взяв, с собой мини-

мум одежды и постельных принадлежностей, но забрав с собой все до единой книги, покинули некогда наш благодатный Кавказ и переехали в Россию.

Уже много лет нет на этом свете моих родителей, но их книжный шкаф в виде книг живет и поныне в квартире моей сестры.

Каждый раз, приезжая к ней в гости, я имею возможность взять в руки книгу, которую когда-то держали руки моих родителей. Прочитать в ней страницу-две, бегло, не углубляясь в содержание, но приняв на себя все эмоции, которыми были наполнены мои мама и папа, когда читали эти старые, поношенные, но от этого только ещё более дорогие книги. Книжки из старого книжного шкафа, сработанные руками моего деда.